

Рец. на кн.: JEFF SAHADEO. *VOICES FROM THE SOVIET EDGE: SOUTHERN MIGRANTS IN LENINGRAD AND MOSCOW.*

Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p.

Алексей Валерьевич Голубев

Хьюстонский университет / Институт перспективных исследований Рэдклиффа,

Гарвардский университет

3553 Каллен Бульвар, Хьюстон, США

avgolubev@uh.edu

Аннотация: Новая монография канадского исследователя Джеффа Сахадео использует историко-антропологический подход для изучения миграции из южных регионов СССР в Москву и Ленинград в период позднего социализма. Основываясь на большом массиве интервью с бывшими мигрантами, а также на архивных источниках и материалах прессы, монография Сахадео сравнивает исторический опыт мигрантов в СССР с аналогичными процессами в странах Северной Америки и Западной Европы. Истории мигрантов, представленные в книге, показывают многообразие позднесоветского исторического опыта, не сводимого к понятию «застоя».

Ключевые слова: миграция, мигранты, поздний социализм, Москва, Ленинград.

Для ссылок: Голубев А. Рец. на кн.: Jeff Sahadeo. *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow.* Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p. // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 227–238.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/golubev.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2021, NO. 48

A Review of JEFF SAHADEO. *VOICES FROM THE SOVIET EDGE: SOUTHERN MIGRANTS IN LENINGRAD AND MOSCOW.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2019, 273 pp.

Alexey Golubev

University of Houston

Radcliffe Institute for Advanced Studies, Harvard University

3553 Cullen Boulevard, Houston, USA

avgolubev@uh.edu

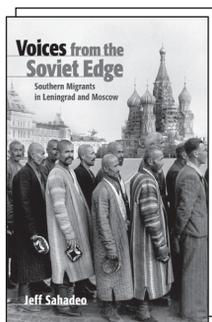
Abstract: The new book by the Canadian scholar Jeff Sahadeo is a historical anthropology of the migration from the southern regions of the USSR to Moscow and Leningrad during late socialism. Based on a large collection of oral history interviews with former migrants as well as on archival and newspaper sources, this book compares the historical experience of migration in the USSR with similar processes in North America and Western Europe. The migrant stories presented in the book reveal the complexity of the late-Soviet historical experience that can hardly be reduced to the concept of “stagnation.”

Keywords: migration, migrants, late socialism, Moscow, Leningrad.

To cite: Golubev A., ‘A Review of Jeff Sahadeo, *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2019, 273 pp.’, *Anthropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 227–238.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/golubev.pdf>

Рец. на кн.: **Jeff Sahadeo. *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow.*** Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p.

Новая монография канадского исследователя Джеффа Сахадео использует историко-антропологический подход для изучения миграции из южных регионов СССР в Москву и Ленинград в период позднего социализма. Основываясь на большом массиве интервью с бывшими мигрантами, а также на архивных источниках и материалах прессы, монография Сахадео сравнивает исторический опыт мигрантов в СССР с аналогичными процессами в странах Северной Америки и Западной Европы. Истории мигрантов, представленные в книге, показывают многообразие позднесоветского исторического опыта, не сводимого к понятию «застоя».

Ключевые слова: миграция, мигранты, поздний социализм, Москва, Ленинград.

Тридцатилетний период между Всесоюзными переписями 1959 и 1989 гг. зафиксировал существенные изменения в демографической структуре Москвы и Ленинграда. Оба советских мегаполиса пережили существенный рост населения с 5 млн до 8,88 млн человек в Москве (прирост на 77,6 %) и с 3,32 млн до 5 млн человек в Ленинграде (50,6 %). При этом темпы роста численности мигрантов из южных регионов СССР существенно обогнали общий прирост городского населения этих городов, как можно увидеть в приведенной ниже таблице.

Помимо перечисленных в таблице этнических групп, в 1989 г. в Ленинграде проживало почти 8 тысяч узбеков, 2763 киргизов, 2584 осетин, 1917 таджиков, 1448 лезгин, 1360 туркмен, 1205 аварцев и 1173 чеченцев. Никто из них не был указан в переписи 1959 г., где для всех представителей национальностей численностью меньше 600 человек была общая графа «другие национальности», давшая в сумме всего лишь 8330 человек. Точно так же применительно к Москве графа «другие национальности» в переписи 1959 г. (13 548 человек) через тридцать лет сменилась на гораздо более

Алексей Валерьевич Голубев

Хьюстонский университет /
Институт перспективных
исследований Рэдклиффа,
Гарвардский университет,
Хьюстон, США
avgolubev@uh.edu

Таблица 1

**Рост городского населения Ленинграда и Москвы с 1959 по 1989 г.
(всего и по отдельным национальностям)**

	Ленинград			Москва		
	1959	1989	Рост в %	1959	1989	Рост в %
всего	3 321 196	4 990 749	50,6	5 085 581	8 875 579	77,6
армяне	4897	12 070	146	18 379	43 989	139
азербайджанцы	855	11 804	1281	2528	20 727	720
грузины	1917	7804	307	6365	19 608	208
осетины	917	2584	182	2305	7270	215
казахи	654	6331	868	1778	8225	363

подробное перечисление этнических групп из Северного Кавказа и Центральной Азии¹.

Москва и Ленинград в этом отношении не были уникальными случаями: схожие миграционные процессы наблюдались во второй половине XX в. фактически во всех мегаполисах стран Европы и Северной Америки. Для краткости приведу лишь один пример: население Торонто выросло с 2,6 млн человек в 1971 г. до 3,85 млн в 1991 г. (прирост на 48 %), при этом самый большой в процентном отношении рост за эти двадцать лет наблюдался среди иммигрантов из Латинской Америки (с 765 до 61,7 тыс. чел., или почти 8000 %), Южной Азии (с 5,6 тыс. до 212,4 тыс., или 3693 %), Ближнего Востока (с 2,5 тыс. до 70,2 тыс., или 2708 %), Африки (с 12,1 тыс. до 166,85 тыс., или 1279%) и Восточной Азии (с 61,8 тыс. до 384,6 тыс., или 522 %)².

Обычно подобный массив цифр — не лучший способ начать рецензию на книгу, но в случае с новой монографией Джеффа Сахадео, профессора Карлтонского университета в Оттаве (Канада), эта статистика позволяет наглядно проиллюстрировать основной тезис автора: для населения Северного Кавказа, Закавказья, Казахстана и Центральной Азии период 1960-х — первой половины 1980-х гг. был временем глубоких социальных изменений, беспрецедентной социальной и географической мобильности и экономических и карьерных возможностей, которые сопровождали интеграцию этих регионов в советское национальное пространство и структуры глобальной модер-

¹ Расчеты произведены на основе данных переписей, опубликованных на сайте журнала «Демоскоп Weekly»: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств: <<http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>>.

² Цифры взяты из: [Ornstein 2006: 113].

ности. Озаглавленная «Голоса с советских окраин: южные мигранты в Ленинграде и Москве» и выпущенная издательством Корнельского университета в 2019 г. монография посвящена миграции из регионов Северного Кавказа, Закавказья, Центральной Азии и Казахстана в период с середины 1960-х гг. до распада СССР.

Сахадео показывает, насколько обманчивым оказывается понятие «застоя» применительно к социальной истории позднего СССР. Отражая нежелание и неспособность партийно-государственного руководства проводить сколько-нибудь значительные реформы, понятие «застой» в то же время затушевывает фундаментальные изменения, происходившие в советском обществе и укладывавшиеся в мировые тенденции урбанизации, миграции, социальной мобильности и формирования многонациональных и многоконфессиональных сообществ. С точки зрения истории миграции и мигрантов, как утверждает Сахадео, Советский Союз оказывается далеко не обособленным обществом, а, наоборот, должен рассматриваться как неотъемлемая часть «глобального контекста движения между центром и периферией во второй половине XX в.» (Р. 4).

Теоретическими рамками, на которые опираются «Голоса с советских окраин», являются постколониальная теория и новая имперская история: Сахадео ссылается на Бернарда Кона, исследователя британской колониальной политики в Индии, Нэнси Фонер, известную работами о иммигрантах в США и Западной Европе [Foner 2005], и социолога Сассен, которая ввела в научный оборот термин «глобальный город» [Sassen 1992]. Сам Сахадео известен в первую очередь трудами по истории Центральной Азии. Его монография «Российское колониальное общество в Ташкенте, 1865–1923», вышедшая в издательстве Университета Индианы [Sahadeo 2007], была отмечена призом североамериканского Общества изучения Центральной Евразии. В том же издательстве и том же году вышел и сборник статей «Повседневная жизнь в Центральной Азии: прошлое и настоящее» под редакцией Сахадео и Рассела Занки [Sahadeo, Zanca 2007]. Интерес к истории Центральной Азии в «век империи» [Хобсбаум 1999], когда империализм был официально признанной международной политикой, привел к тому, что в своей дебютной монографии Сахадео использует «российское колониальное общество в Ташкенте» для анализа имперской власти не только в российском, но и в европейском контексте [Sahadeo 2007: 3]. Как следствие, рецензируемую монографию от большинства других исследований позднего социализма отличает именно концептуальный аппарат, сложившийся применительно к анализу международной колониальной и постколониальной ситуации в XX в.

Несмотря на то что Сахадео не заявляет свою книгу как сравнительное исследование, сама его позициональность как профессора канадского университета структурирует нарратив определенным образом — как сравнение имперского опыта капиталистического Запада и советской России. «Голоса с советских окраин» писались в то же самое время, когда в Канаде шло активное обсуждение результатов работы Комиссии правды и примирения (Truth and Reconciliation Commission of Canada), целью которой было переосмысление политики канадского правительства по отношению к коренному населению страны. Канадская комиссия правды и примирения, чья работа завершилась в 2015 г. публикацией объемного доклада, пришла к выводу, что эта политика представляла собой «культурный геноцид» коренных народов [Honouring the Truth 2015: 1]. Вопросы о взаимоотношениях между имперским центром и колониальной периферией оказываются актуальными для понимания канадского, советского и любого другого современного общества, отсюда насыщенность монографии Сахадео отсылками к литературе о других регионах и исторических периодах. Ценность «голосов с южных окраин» СССР оказывается в том, что они помогают понять не только советскую, но и всемирную историю.

Основным материалом для исследования Сахадео послужили интервью с бывшими мигрантами (во введении автор говорит о 75 интервью, однако в списке указано 70 интервью, что все равно представляется очень внушительным количеством), взятые в период с мая 2007 по июль 2011 г. Это делает «Голоса с советских окраин» важным исследованием в области устной истории советского государства и общества. Материал интервью, в свою очередь, рассматривается в историческом контексте, выстроенном на основе анализа исследовательской литературы, архивных источников и материалов советской прессы. Акцент на интервью позволяет Сахадео восстановить повседневный опыт миграции из перспективы самих мигрантов без ориентализации как их самих, так и советских реалий (чему помогает, в частности, внимательность к контексту). Об этом еще пойдет речь.

«Голоса с советских окраин» разбиты на три раздела, которые включают в себя семь глав. В первом разделе монографии (главы 1 и 2) Сахадео реконструирует исторический контекст своего исследования. В первой главе — «Глобальные советские города» — советский опыт миграции из южных регионов в Москву и Ленинград в период позднего социализма сравнивается с аналогичными процессами, происходившими в Западной Европе и Северной Америке. Как и послевоенный Париж или Лондон, Москва и Ленинград предлагали своим жителями

гораздо больше возможностей, связанных с городской жизнью и инфраструктурой (работа, медицина, образование и досуг), чем другие города и сельская местность. Подобно западным столицам, они столкнулись с бурным ростом населения, вызванным большим количеством желающих переехать в них в поисках этих возможностей. Сахадео утверждает (и с этим трудно не согласиться), что в случае СССР прописка, регулирующая миграцию в Москву и Ленинград из национальных республик (а также других регионов РСФСР), играла ту же самую функцию, что и иммиграционно-визовая система в США или Канаде. Она ограничивала поток мигрантов, пытаясь подстроить его под экономические нужды столиц, а также не допустить резких изменений в расовом, этническом и религиозном составе столичных регионов.

Впрочем, ограничение миграции в СССР через систему прописки, равно как и в западных странах через выдачу виз, оказалось несовершенным механизмом. В советском случае миграция из национальных республик прямо или косвенно поощрялась благодаря идее дружбы народов. Этой теме посвящена вторая глава книги — «Дружба, свобода, мобильность и старший брат». Если во многих западных городах действовали, в том числе на законодательном уровне, механизмы, обеспечивавшие сегрегацию мигрантов, их маргинализацию в городском пространстве¹, то в СССР сложилась иная ситуация: официальная приверженность идее равенства наций и дружбы народов сформировали образ Москвы и Ленинграда как космополитических городов, способных стать домом для жителя любой части Советского Союза. Этому способствовал, в частности, специфический эмоциональный режим, задаваемый советским публичным дискурсом и перформативными ритуалами (например, такими как недели и декады национальных культур). Несмотря на то что этот режим включал в себя и такие эмоции, как благодарность «старшему брату», иными словами, выстраивал отношения зависимости между советским центром и периферией, материалы интервью дают Сахадео основание утверждать, что дискурс о дружбе народов формировал в основном положительную культурную среду, в которой многонациональное общество рассматривалось как норма и которая способствовала интеграции мигрантов.

¹ Классическим примером является расовая стратификация городского пространства в США, возникшая в середине XX в. и во многом сохраняющаяся до сих пор, когда миграция чернокожего населения в центральные районы крупных городов (так называемые «внутренние города», *inner cities*) привела к возникновению феномена «пригородов» (*suburbia*), сопровождавшемуся уменьшением муниципальных ресурсов и ухудшением городской инфраструктуры в районах с преимущественно чернокожим населением. См., например: [Sugrue 1996].

Разумеется, официальный дискурс о дружбе народов лишь задавал определенные рамки, но не определял повседневный опыт миграции. Изучению этого опыта посвящен второй раздел книги (главы 3–5). Третья глава «В поисках места в двух столицах» посвящена освоению мигрантами столичного пространства. После переезда каждый из них со временем превращал чужой город в «свою Москву» или «свой Ленинград». Сахадео утверждает, что географическая и социальная мобильность в СССР «давала достаточно места для индивидуального выражения и свободы» и формировала многочисленные горизонтальные связи в советском обществе (Р. 65). Вступая в дискуссию с советологом Виктором Заславским, точнее, с его тезисом о том, что мобильность в СССР была всего лишь формой государственного контроля [Zaslavsky 1982: 153–154], Сахадео выдвигает противоположный тезис: советское городское пространство в совокупности с субсидируемой транспортной системой, официальным дискурсом об интернационализме и многочисленными диаспоральными каналами создавало многочисленные контактные зоны, где мигранты оказывались активно действующими участниками социальной и культурной жизни.

В четвертой главе «Раса и расизм» Сахадео рассматривает более темную сторону опыта миграции, а именно столкновение с выражениями нетерпимости по национальному признаку. Здесь повествование возвращается к сравнительным аспектам глобальной модерности: негативные эпитеты, связанные с цветом кожи, которые могли услышать в свой адрес южные мигранты в РСФСР, имели прямые аналоги в Англии, где слово “blacks” обозначало иммигрантов из Южной Азии, стран Карибского бассейна и Африки. Информанты Сахадео утверждают, что проявления нетерпимости и расизма¹ носили несистемный характер, однако благодаря своей аффективной силе они обладали способностью «привязываться» к тем, против кого были направлены, и оказывать долгосрочный негативный эффект (Р. 93–95)². Сахадео фиксирует важный парадокс: поскольку советская идеология не допускала системной дискриминации по расовым или этническим признакам и, соответственно, была слепа к ее несистемным проявлениям, у мигрантов не было возможности апеллировать к закону (как это делали, например, мигранты в Западной Европе), что по-

¹ В рецензируемой книге слово «расизм» применяется в широком значении как системное использование незначительного внешнего отличия (разреза глаз, цвета кожи) для выстраивания политических, социальных и культурных иерархий.

² О способности расистских эпитетов и высказываний «привязываться» к своим объектам см.: [Butler 1997; Ahmed 2004].

вышало важность неформальных связей для создания «своих мест» в столицах. В то же время он замечает, что в советском контексте категория расы часто смешивалась с категорией класса, когда столичные жители в одинаковых терминах осуждали присутствие как расово категоризируемых групп из южных регионов СССР, так и этнически русских жителей из других областей РСФСР.

Расизм затруднял, но не мог остановить превращение Москвы и Ленинграда в «свое» пространство для мигрантов, чему посвящена пятая глава «Становясь своим в двух столицах». В ней Сахадео рассматривает, как мигранты встраивались в формальные и неформальные социальные структуры в столицах через образование, профессиональную карьеру, диаспоральные контакты и классовую солидарность. Отдельные разделы посвящены сексуальным контактам между мигрантами-мужчинами и русскими женщинами и участию мигрантов в политических ритуалах советского государства.

Последний раздел монографии (главы 6 и 7) рассматривает миграцию в контексте радикальных изменений в социально-политической жизни советского общества в 1980-е гг. В шестой главе «Жизнь на границах» рассматриваются истории четырех торговцев из Киргизской, Узбекской и Азербайджанской ССР, участвовавших в активной теневой торговле между этими республиками и столичными регионами СССР. В условиях сужающихся возможностей в их родных республиках теневая торговля в Москве стала для информантов Сахадео фактически единственной возможностью улучшить условия жизни для себя и своих семей, и данная глава представляет собой историко-антропологическое изучение ее роли в позднесоветском обществе. Последняя, седьмая, глава «Перестройка» описывает исторический опыт мигрантов в последние годы СССР. Экономическая нестабильность проявилась на советской периферии раньше и ощущалась сильнее, чем в столицах, что привело к росту миграции в Москву и Ленинград, жители которых имели существенно лучший по сравнению с южными республиками доступ к товарам и услугам благодаря все еще работавшей системе централизованного снабжения. Однако вместе с гласностью в советское публичное пространство пришли национализм, дискриминация и ксенофобия, поставившие многих мигрантов перед трудным выбором: вернуться в «свои» республики или остаться в ставших «своими» Москве или Ленинграде.

Использование устной истории в качестве основного источника в «Голосах с южных окраин» позволило Сахадео представить перед читателями уникальный взгляд на социальную и культурную историю позднего СССР. Разумеется, как и в случае с лю-

бым другим историческим источником, устная история ставит перед исследователем проблемы критики полученных данных. Для интервью, где информанты рассказывают о важных этапах своей биографии несколько десятилетий спустя, одну из таких проблем представляет ностальгия, структурирующая их нарративы, в частности через постоянное сравнение жизни в СССР до перестройки с ее высокой географической и социальной мобильностью и постсоветских условий с их значительно сузившимися возможностями (не говоря уже о том, что почти для всех информантов опыт миграции совпал с молодостью). Представляется, что Сахадео нашел удачную форму работы с ностальгией: он рассматривает ее не столько как досадную помеху, сколько в качестве культурного продукта, сформированного конкретными историческими условиями и представляющего собой ценный источник для их понимания. Ностальгический дискурс «советской свободы <...> имевший в своей основе простоту перемещения (пусть только в пределах государственных границ), личную безопасность и веру в меритократию» (Р. 203), дает нам возможность «остранить», почти по Шкловскому, опыт поздней социалистической модерности и модернизации, увидеть в нем важные социальные и культурные изменения, во многом аналогичные социальным процессам в других странах «глобального Севера».

Не претендуя на универсальный охват позднего социализма, «Голоса с южных окраин» выполняют иную, не менее важную цель: монография Сахадео привлекает внимание к многообразию советского исторического опыта и проблеме его соотносимости с историческим опытом других стран. В этом отношении книга принадлежит к усиливающейся историографической традиции, обозначенной в недавней дискуссии в «Новом литературном обозрении» (№ 4 за 2016 г.) вокруг статьи Майкла Дэвид-Фокса «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?» [Дэвид-Фокс 2016; Десять ответов 2016]. В то время как ряд исследователей продолжают настаивать на необходимости описания советского опыта как исключительного, фактически не знавшего модерности или приобретшего лишь ее внешние, поверхностные черты¹, основной консенсус среди историков социализма сместился в сторону признания социалистической модерности как реального исторического феномена. Вопрос о том, была ли она «общей», «альтернативной» или «переплетенной» с западной, становится в этом отношении вторичным:

¹ В упомянутой журнальной дискуссии с этих позиций выступают, в частности, Александр Марков и Александр Эткинд. Среди других исследователей можно отметить Дж.А. Гетти с книгой 2013 г. «Практикуя сталинизм: большевики, бояре и прочность традиции» [Getty 2013].

основным представляется то, что и западная, и социалистическая модернность воплотили в себе не только политические реформы и культурные процессы (то, что в марксистской терминологии относится к надстройке), но и фундаментальные социальные изменения (часть базиса)¹. «Голоса с советских окраин» показывают именно эту социальную часть исторического развития советского общества второй половины XX в. Как следствие, в книге нет риторически эффективных объяснений и схем, зато много нюансов и деталей, объясняющих, как при совершенно иной, чем на Западе, политической системе в СССР возникло общество, имевшее массу общих черт с другими обществами Глобального Севера — то наблюдение, с которого я начал эту рецензию. Отчасти парадоксально, что именно имперская история позволяет Сахадео сделать эти наблюдения — парадоксально в силу того, что во многих предшествующих работах имперская «рамка» вводилась для дискредитации советского исторического опыта, а не для его понимания. Сахадео же работает с ней аналитически, а не политически, признавая и описывая структуры неравенства, создаваемые советской имперской ситуацией, и тут же показывая, как субъекты «южных окраин» выстраивали на основе этих структур жизненные стратегии, превращавшие их в достойных членов советского общества. В этом отношении книга, несомненно, будет полезна всем интересующимся историей последних десятилетий Советского Союза.

Источники

Honouring the Truth, Reconciling for the Future: Summary of the Final Report of the Truth and Reconciliation Commission of Canada. Ottawa: Truth and Reconciliation Commission of Canada, 2015.

Библиография

Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44.

Десять ответов на статью Майкла Дэвид-Фокса // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 45–91.

Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 544 с.

Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 232 p.

Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. N.Y.: Routledge, 1997. 200 p.

¹ Из недавних работ, эксплицитно затрагивающих этот вопрос, можно отметить [Holquist 2002; Hoffmann 2003; Shorten 2012; David-Fox 2015; Golubev 2020].

- David-Fox M.* Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. 296 p.
- Foner N.* In a New Land: A Comparative View of Immigration. N.Y.: New York University Press, 2005. 327 p.
- Getty J.A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.
- Golubev A.* The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. 240 p.
- Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 384 p.
- Hoffmann D.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 264 p.
- Ornstein M.* Ethno-Racial Groups in Toronto, 1971–2001: A Demographic and Socio-Economic Profile. Toronto: York University Press, 2006. 182 p.
- Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. X+316 p.
- Sahadeo J., Zanca R.* (eds.). Everyday Life in Central Asia, Past and Present. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. 401 p.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. 412 p.
- Shorten R.* Modernism and Totalitarianism: Rethinking the Intellectual Sources of Nazism and Stalinism, 1945 to the Present. L.: Palgrave Macmillan, 2012. XVII+321 p.
- Sugrue T. J.* The Origins of the Urban Crisis: Race and Inequality in Postwar Detroit. Princeton: Princeton University Press, 1996. 375 p.
- Zaslavsky V.P.* The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. Armonk: M.E. Sharpe, 1982. 208 p.

Алексей Голубев

A Review of Jeff Sahadeo, *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2019, 273 pp.

Alexey Golubev

University of Houston

Radcliffe Institute for Advanced Studies, Harvard University

3553 Cullen Boulevard, Houston, USA

avgolubev@uh.edu

The new book by the Canadian scholar Jeff Sahadeo is a historical anthropology of the migration from the southern regions of the USSR to Moscow and Leningrad during late socialism. Based on a large collection of oral history interviews with former migrants as well as on archival and newspaper sources, this book compares the historical experience of migration in the USSR with similar processes in North America and Western Europe. The migrant stories presented in the book reveal the complexity of the late-Soviet historical experience that can hardly be reduced to the concept of “stagnation.”

Keywords: migration, migrants, late socialism, Moscow, Leningrad.

Sources

Honouring the Truth, Reconciling for the Future: Summary of the Final Report of the Truth and Reconciliation Commission of Canada. Ottawa: Truth and Reconciliation Commission of Canada, 2015.

References

Ahmed S., *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004, 232 pp.

Butler J., *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York: Routledge, 1997, 200 pp.

David-Fox M., *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015, 296 pp.

David-Fox M., ‘Modernost v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, alternativnaya ili perepletennaya?’ [Modernity in Russia and the USSR: Absent, Common, Alternative or Intertwined?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 4, pp. 19–44. (In Russian).

‘Desyat otvetov na statyu Maykla Devid-Foksa’ [Ten Replies to Michael David-Fox’ Article], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 4, pp. 45–91. (In Russian).

- Foner N., *In a New Land: A Comparative View of Immigration*. New York: New York University Press, 2005, 327 pp.
- Getty J. A., *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven: Yale University Press, 2013, 359 pp.
- Golubev A., *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020, 240 pp.
- Hobsbawm E., *The Age of Empire: 1875–1914*. New York: Vintage Books, 1989, 404 pp.
- Holquist P., *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002, 384 pp.
- Hoffmann D., *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003, 264 pp.
- Ornstein M., *Ethno-Racial Groups in Toronto, 1971–2001: A Demographic and Socio-Economic Profile*. Toronto: York University Press, 2006, 182 pp.
- Sahadeo J., *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007, X+316 pp.
- Sahadeo J., Zanca R. (eds.), *Everyday Life in Central Asia, Past and Present*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007, 401 pp.
- Sassen S., *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992, 412 pp.
- Shorten R., *Modernism and Totalitarianism: Rethinking the Intellectual Sources of Nazism and Stalinism, 1945 to the Present*. London: Palgrave Macmillan, 2012, XVII+321 pp.
- Sugrue T. J., *The Origins of the Urban Crisis: Race and Inequality in Postwar Detroit*. Princeton: Princeton University Press, 1996, 375 pp.
- Zaslavsky V. P., *The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society*. Armonk: M.E. Sharpe, 1982, 208 pp.